

СССР БЫЛ БОЛЕН ИЛИ ЕГО "ЗАЛЕЧИЛИ" (ПОПЫТКА ПАТАЛОГО-АНАТОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

С.В. Чешко

Главная проблема постсоветской действительности - как выйти из состояния "полураспада", в котором оказалась страна после декабря 1991 г. Предпосылкой для поисков ее решения должно стать серьезное, свободное от расхожих пропагандистских стереотипов исследование причин и обстоятельств развала СССР. Автор статьи, а также книги "Идеологии распада", вышедшей в свет в конце 1993 г. в серии "Российский этнограф" (издание Института этнологии и антропологии РАН) считает несостоятельным утверждение о том, что СССР был обречен на исчезновение самой историей, равно как и пресловутую "теорию заговора". В книге предпринята попытка анализа основных политических механизмов разрушения СССР и тех объективных факторов, которые запустили в действие эти механизмы. Ниже публикуется заключительная часть книги, снабженная специальным авторским предисловием.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце 1993 г. в серии "Российский этнограф" (издание Института этнологии и антропологии РАН) вышла монография С.В.Чешко "Идеология распада". Автор попытался исследовать некоторые политико-идеологические аспекты советской "перестройки", выяснить причины ее неудачи и распада СССР.

Точка зрения автора отнюдь не бесспорна. Сам автор пишет во введении к книге так: "Любое политологическое изыскание, как бы автор ни старался избежать этого, в конечном счете приобретает идеологическую окраску, поскольку оно касается сферы взаимодействия и борьбы различных идеологических концепций и политических группировок. Выводы политолога не могут устраивать всех, он всегда рискует быть обвиненным той или другой стороной в предвзятости. Есть только один способ, если и не избежать такой участи, то по крайней мере сохранить душевное равновесие: аргументировать свою позицию при помощи фактов и логики" (с.10).

О фактах, приводимых и интерпретируемых автором, о логике его аргументации должен судить, конечно, читатель. Если он будет иметь такую возможность. К сожалению, сегодня многие научные исследования стали недоступными не только широкому потребителю книжной продукции, но даже специалистам. Работа С.В.Чешко вышла тиражом 200 экз. и разошлась в течение нескольких недель.

Редакция нашего журнала считает, что книга С.В.Чешко заслуживает внимания. В ней поставлены весьма важные проблемы (другое дело — как их интерпретировать), которые сохраняют свою актуальность и для "постсоветского" времени. Кроме того, она является, пожалуй, един-

ственным отечественным монографическим исследованием "перестроечной" эпохи.

Ниже мы публикуем третью часть книги С.В.Чешко, которая на наш взгляд, лучше всего отражает суть концепции автора. Первые две части представляют собой развернутую экспозицию основной темы. В них автор формулирует следующие основные выводы: советское общество нуждалось в существенных преобразованиях; эти преобразования должны были заключаться в изменении экономических отношений и кардинальном реформировании политической системы; разрушение или сохранение единого государства не имело к этой задаче прямого отношения, так как суть проблемы заключалась в необходимости демонтажа политического режима тоталитаризма, который отнюдь не был тождественен исторически сложившейся российско — советской государственной общности; СССР, как и дореволюционная Россия, не соответствовал классической модели колониальной империи: не было ни "метрополии", ни "колоний", ни "имперской нации"; главный порок государственного устройства СССР состоял в том, что оно включало в себя принцип этнонационализма ("национальной государственности"), который разделял народы (и граждан) по их политическим статусам и правам; в период горбачевской либерализации сложился альянс этнических элит союзных республик с псевдодемократической радикальной оппозицией в России, которая пожертвовала российско — советской государственностью во имя борьбы за власть.

В третьей части книги рассматриваются мировоззренческие и пропагандистские основы национал-сепаратизма, посредством которых оправдывалось движение за суверенизацию союзных республик и ликвидацию СССР. Мы публикуем также часть Заключения книги с авторским послесловием, подготовленным для нашего издания.

1988—1989 гг. стали переломными в советской "перестройке". Она быстро входила в свою "национально-освободительную" фазу, оказавшуюся фазой заката.

Первым и явно недооцененным горбачевским руководством сигналом явились беспорядки в Алма-Ате в декабре 1986 г. по поводу отстранения от должности первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.Кунаева и его замены Г.Колбиным, русским по национальности и, к тому же, неказахстанцем. Тогда эти беспорядки, больше удивившие, чем потрясшие общество, были расценены Москвой и властями Казахстана как вспышка национализма. Позднее, уже в пору суверенизации республики, ее власти и новая "прогрессивная общественность" пересмотрели эту точку зрения, расценив алма-атинскую манифестацию как стихийный протест против тоталитаризма.

Вторая точка зрения отнюдь не обязательно должна противоречить первой. В принципе казахская молодежь и вправду могла выйти на улицы Алма-Аты из чисто политических соображений: возможно даже, что не следует придавать большого значения тому обстоятельству — со временем о нем постарались забыть, — что выступление было не совсем спонтанным, а имело некое организационное начало.

Националистический аспект — как минимум аспект — в алма-атинских событиях, безусловно, присутствовал. В те времена существовало негласное правило, согласно которому пост первого секретаря ЦК Ком-

партий союзных республик занимал представитель коренного, "статусного" этноса, что долженствовало символизировать особое положение этого этноса в республике и суверенность последней. Поэтому замена казаха на русского, управлявшего до этого одной из областей России, да еще произведенная совершенно бесцеремонным образом — вопреки всем устоявшимся традициям советской политической этики — не могла не вызвать возмущения казахских патриотов. Логика и психология советского "интернационализма" такого просто не допускали, несмотря даже на то, что в Казахстане, по данным последней на то время Всесоюзной переписи населения 1979 г., проживало больше русских, чем казахов (5,9 млн. и 5,2 млн. человек соответственно), а доля казахов в общем населении республики составляла всего 36 % (1). Действия Москвы представляли собой грубое нарушение ею же установленных принципов национальной (этнической) государственности, которые исключали возможность того, что, например, произошло в Перу, когда президентом страны стал японец.

Москва отреагировала на конфликт призывами крепить дружбу народов и углублять изучение межнациональных отношений, прозвучавшими на январском пленуме ЦК КПСС 1987 г. Решено было также созвать специальный пленум по этому вопросу; он готовился беспрецедентно долго — в силу того, что партийным идеологам нечего было сказать нового о столь сложной материи — и состоялся только осенью 1989 г., когда он уже был практически бесполезен.

Пока же под эгидой партийных органов, одна за другой, проходили так называемые "научно-практические" конференции, от которых не было ни научной, ни практической пользы. А в Казахстане Г.В.Колбин с энтузиазмом принялся выкорчевывать "националистические предрассудки", всерьез намереваясь покончить с ними за полгода (2).

Главным центром формирования националистических и сепаратистских тенденций стали, однако, не восточные, потенциально наиболее конфликтогенные, регионы страны и даже не Закавказье, где год спустя разразился карабахский конфликт, а республики Прибалтики. На первый взгляд, это может показаться довольно странным, поскольку в СССР привыкли считать Прибалтику своей "внутренней Европой", самым развитым в социально-экономическом и культурном отношениях регионом страны. Это, вроде бы, должно было препятствовать широкому распространению здесь столь недостойного современного человека мировоззрения, как национализм. Ничего странного, однако, в этом не было.

Мировой опыт показывает, что не только отсталость и нищета, но и относительно высокий уровень развития может продуцировать этнонационализм: например, как способ удержания или достижения политического доминирования по отношению к менее развитым районам, как реакция на перераспределение национального дохода в пользу этих районов, как следствие конкуренции в сфере занятости и т.п. В Прибалтике, к тому же, этому способствовали определенные исторические и социальные факторы.

В период, последовавший после присоединения Латвии, Литвы и Эстонии к СССР, здесь всегда существовали сильные антисоветские настроения, принимавшие форму русофобии. В их основе лежало убеждение в том, что СССР аннексировал Прибалтику, наводнил ее русскими пере-

селенцами и осуществлял политику национального угнетения. Такие настроения усиливались представлениями о том, что прибалтийские республики будут жить гораздо лучше, если интегрируются в процветающую и близкую им в культурно — историческом отношении Европу: упускалось, правда, из вида то обстоятельство, что процветание Прибалтики было обусловлено в значительной мере ее положением в советской системе регионального разделения труда.

Антисоветские (опосредованно и антирусские) настроения подогревались также целенаправленной идеологической обработкой из-за рубежа, активностью прибалтийской диаспоры за границей, "особой" позицией Запада, прежде всего США, в "прибалтийском вопросе". Эта деятельность отнюдь не ослабла с официальным окончанием "холодной войны", а в период горбачевской перестройки скорее даже усилилась, так как появился реальный шанс осуществить отрыв Прибалтики от СССР.

Не стоит преувеличивать роль общей "культурности" народа в формировании его политической культуры и идеологических установок. Даже в очень "культурной" стране обывательский национализм, особенно если он имеет искусственную подпитку, вполне может овладеть умами и чувствами людей.

Следует также учитывать особенности социальной структуры республик Прибалтики. "Коренные народы" были представлены в ней в основном сельским населением, интеллигенцией (научной, творческой) и лицами, занятыми в различных сферах управления. В сферах же, связанных с промышленным производством (рабочие, инженерно-технический персонал, руководители предприятий союзного подчинения), преобладали "некоренные" национальности. Такое разделение было связано как с политикой индустриализации Прибалтики, включая переброс сюда трудовых ресурсов, так и с социальными ориентациями местного населения, предпочитавшего иные формы деятельности, нежели промышленное производство.

Известно, что социальные группы, связанные с промышленным производством, обычно мало подвержены влиянию национализма. Этот тезис в свое время активно разрабатывался советским обществоведением, но со сменой идеологических эпох он, видимо, отнюдь не утратил своей значимости, как, впрочем, и многие другие выводы в области общественных наук, которые сегодня отрицаются просто потому, что они — "советские". В последние годы он получил дополнительное подтверждение теми политическими катаклизмами, которые нам пришлось наблюдать на пространстве бывшего СССР. Оказалось, например, что Донбасс, другие промышленные регионы Украины или промышленное Приднестровье имеют устойчивый иммунитет против национализма.

Указанную эмпирическую закономерность я бы снабдил только одним дополнительным условием. Индустриальные социальные группы плохо впитывают или продуцируют национализм, если они не испытывают конкуренции со стороны других этнических групп. В СССР русские нигде не испытывали такой конкуренции, поскольку индустриализация почти во всех регионах осуществлялась силами русских (и других славян), прочие же народы не проявляли особого стремления занять эту их социальную нишу, русский "империализм" заключался главным образом именно в том, что

русские в ряде республик монополизировали функцию создания промышленного потенциала страны и материальных благ.

Что касается интеллигенции этнических меньшинств, то ее политические ориентации формируются под действием не только каких-то психологических, но и чисто социальных и материальных факторов. Бездарный литератор, актер или научный работник обычно объясняет свои неудачи тем, что его "зажимают". А если он к тому же принадлежит к недоминирующей в данном обществе этнической группе, то он легко поддается соблазну компенсировать свои профессиональные недостатки, добывая признания, статуса и материального благополучия, объявив себя жертвой национального угнетения и став апологетом национальной идеи.

У этнических меньшинств подобные реакции связаны еще с одной серьезной проблемой. Стремление к самоутверждению в интеллектуальных и творческих сферах деятельности вступает в труднопреодолимое противоречие с тем обстоятельством, что осуществление этой задачи требует выхода за пределы своей этнической среды и, в частности, избрания в качестве основного языка этой профессиональной деятельности такого языка, который обеспечивал бы максимальное число потенциальных потребителей продукции его деятельности. При этом, однако, может возникать комплекс "этнической неполноценности" (у крупных творческих деятелей, таких, как, например, Ч. Айтматова, написавшего все свои знаменитые произведения на русском языке, он, правда, почему-то не возникает), а также, что еще важнее, резко расширяется поле профессиональной конкуренции. Одно дело быть единственным и потому, автоматически, выдающимся "национальным" поэтом или историком, и другое дело — лишь одним из многих, среди которых надо отстаивать свое место под солнцем. Иными словами, "национальный вопрос" для интеллигенции этнических меньшинств представляет собой, в значительной степени, разновидность тривиальной проблемы борьбы за существование в условиях рыночной профессиональной культуры, которая не может быть профессиональной, не будучи рыночной. Когда интеллигенция выступает с лозунгами национального возрождения, то за этими лозунгами зачастую стоит, в том числе, стремление искусственно ликвидировать конкуренцию.

Национализм в Прибалтике изначально, как мне кажется, имел, кроме всего прочего, ту особенность, что он представлял собой не столько эмоциональное выражение спонтанно возникшего эгоцентризма, сколько идеологическое обоснование сепаратизма, или, если употребить другую терминологию, восстановления государственной независимости прибалтийских республик, попорченной сталинизмом. Нисколько не сомневаюсь в том, что лидеры национальных движений прибалтийских народов вполне осознанно избрали национализм в качестве средства достижения своих политических целей. И это был совершенно правильный, единственно верный тактический прием. Как показывает практика, сепаратизм только тогда и может добиться успеха, когда опирается на национализм. Последний избавляет от необходимости объяснять народу, зачем надо отделяться — в данном случае от СССР — и создавать отдельное, этническое государство, почему нельзя переустроить жизнь без отделения. Более того, "национальная идея" лишает права задавать такие вопросы под угрозой быть обвиненным в измене нации. Оживление национал-сепаратизма в

Прибалтике и выход его на политическую арену относится к лету 1987 г., когда в Эстонии состоялись публичные выступления протеста в связи с очередной годовщиной пакта Молотова — Риббентропа. В дальнейшем эта идеологическая линия постоянно набирала силу и оставалась одной из главных в программных установках национальных движений во всех трех республиках.

Другая линия выражалась лозунгом возрождения прибалтийских народов и их культур, которые якобы оказались на грани исчезновения. В аргументации этого лозунга было немало передержек, панических эмоций, своеобразного мазохизма: казалось, патриотам просто доставляло удовольствие приводить ужасающие картины вымирания своих народов. При этом совершенно не обращалось внимания на объективные данные о том, что в течение всех послевоенных десятилетий их численность продолжала расти, соответственно росло и число носителей латышского, литовского и эстонского языков, что эти языки не так уж плохо поддерживались через систему просвещения, издательское дело, учреждения культуры и т.д. (3).

Суть же проблемы заключалась в том, что патриоты были недовольны опережающим ростом иноэтничного населения и его слабой мотивацией на овладение местными языками, но, видимо, еще больше тем, что иноэтничное население, особенно многочисленное в Латвии и Эстонии, могло оказаться серьезной помехой в деле суверенизации прибалтийских республик. Именно в Прибалтике родился тезис о том, что чрезмерно высокая доля иноэтничного населения — это плохо. А поскольку невозможно определить количественные критерии безопасного для нации уровня этнической гетерогенности, то этот тезис предполагал естественный вывод о целесообразности моноэтнизации республик: чем меньше чужаков, тем лучше. В Прибалтике же впервые в СССР сформулированы расистские концепции о вреде двуязычия и межэтнических браков. Таким образом, идеи национального возрождения очень скоро переросли в плохо прикрытый шовинизм. Иноэтничным жителям республик настойчиво втолковывалось, что они — оккупанты, манкурты, стоящие вне всякой культуры. Их удел — либо "интегрироваться" в культуру соответствующего прибалтийского этноса и принять диктуемые им правила политической игры сепаратистов, либо убраться вон. Потом их стали терроризировать дискриминационными законами о гражданстве и языках.

Идеологема о незаконности присоединения Прибалтики к СССР создавала политико-правовую основу требованиям о предоставлении ей независимости. Идеологема национального возрождения подводила своего рода гуманитарное обоснование и под это требование, и под принцип приоритетности прав и интересов "коренных наций", в Прибалтике же родился столь популярный ныне тезис об уникальной ценности каждой этнической культуры, которую надо оберегать от "дурных влияний" извне, т.е. от аккультурации и ассимиляции, всеми доступными средствами. Фактически это означало правомерность таких дискриминационных мер в отношении иноэтничного населения, которые были бы призваны обеспечить принцип приоритетности. Иноэтничным же группам объяснили, что их культурам следует развиваться главным образом за пределами Прибалтики — на основной территории расселения этносов. Активно обыгрывались и права этнических меньшинств — поскольку за пределами

своих республик прибалтийские народы могли, конечно, считаться таковыми. Взято было на вооружение даже замечание В.И.Ленина об оправданности "оборонительного национализма" как средства преодоления неравноправия угнетаемых народов. Правда, одновременно был выдвинут и принцип преимущества для большинства: в своих республиках и по численности (особенно в Литве и Эстонии), и по статусу "коренные народы" составляли большинство. Словом, критерием для той или иной идеи стало ее соответствие поставленным целям.

Третья идеологическая линия должна была обеспечить практическое и поэтапное движение к независимости через конституирование собственных, самостоятельных компартий. КПСС все еще оставалась главной политической силой в стране, и независимцы постарались опереться на ее республиканские структуры, предварительно "национализировав" их. Республиканские партийные руководители выполнили отведенную им роль: активно способствовали или по крайней мере не мешали формированию Народных фронтов, нейтрализовали противодействие Москвы первым и самым главным шагам по суверенизации прибалтийских республик, которое, видимо, было бы неизбежным и труднопреодолимым, если бы эти шаги не поддерживались бы республиканскими партийными органами. Когда же надобность в такой поддержке отпала, национал-сепаратистские движения перешли в открытую атаку на компартии и низвели их до положения вражеских иностранных организаций. Судьба А.Бразаускаса, сначала вознесенного на пьедестал национального героя Литвы, а затем ошельмованного тем же "Саюдисом", характерный тому пример.

Важным тактическим ходом была массированная кампания по пропаганде программы ИМЕ, развернувшаяся в Эстонии в 1988 г. (4). Напомню, что в то время ИМЕ интерпретировалась как прогрессивная модель "республиканского хозрасчета", долженствовавшего заменить старую командно-административную систему управления экономикой. Эта идея очень скоро вышла за пределы Эстонии и стала преподноситься как новейшее слово в отечественной экономической науке, как генеральный путь реформирования всей советской экономики. Понятие "региональный хозрасчет" стало одним из основных символов веры перестроечной эпохи, проникло в различные государственные документы.

Очень скоро стали высказываться и критические соображения по поводу и ИМЕ, и "республиканского хозрасчета" (5). Указывалось, например, что сам термин "хозрасчет" представляет собой не очень удачный паллиатив товарно-денежных отношений: изобретен он был еще в хрущевское время, чтобы избежать употребления терминов "политэкономии капитализма". Отмечалось, что субъектами действительно рыночных отношений могут быть непосредственные товаропроизводители и потребители, но вовсе не административные территории, а тем более не институты местной власти, что истинный смысл "республиканского хозрасчета" состоял не в реформировании системы экономических отношений, а в перераспределении функций внеэкономического управления экономикой между различными уровнями политической власти, другими словами — в перераспределении контроля над ресурсами, налоговыми поступлениями, доходами от внешнеэкономической деятельности и т.д. В полной мере это касалось и программы ИМЕ, главные положения которой касались именно

подобных, внеэкономических мер. Кстати говоря, сами же эстонские специалисты признавали, когда им приходилось прямо высказываться на этот счет, что ИМЕ — это не "хозрасчет" как таковой, а "республиканское самохозяйствование", "экономический суверенитет", этап на пути обретения политической независимости. Стремление экспроприировать союзную собственность, ввести таможенные границы, прервать начинавшие налаживаться прямые связи эстонских предприятий с предприятиями в других республиках, поставив такие отношения под контроль эстонских властей (6), — все эти и им подобные меры совершенно определенно указывали на политическую подоплеку прибалтийского варианта "республиканского хозрасчета".

Сегодня о республиканском, региональном "хозрасчете" уже никто не вспоминает, в том числе те московские ученые, которые в то время как будто намеренно не замечали ложности и политической подоплеки этого лозунга. Умер, правда, лозунг, а сама идея осталась и взята на вооружение, например, многими административными территориями Российской Федерации. И это послужило одной из причин глубокого кризиса и распада единой экономической системы уже не СССР, а России. А тогда, в 1989-1990 гг., "республиканский хозрасчет" успешно сыграл роль идеологического обоснования самостоятельности прибалтийских республик — пока только самостоятельности, а не полной независимости, и пока только экономической. При помощи этой красивой концепции Москву приучали к мысли, что Прибалтика может быть хотя бы в каком-то смысле "суверенной".

Надо заметить, что многие политические и экономические изменения горбачевской эпохи осуществлялись прямо-таки согласно библейскому изречению: "в начале было Слово", т.е. снималось табу с прежде запретных терминов ("политический плюрализм", "частная собственность", "суверенитет республик" и т.п.), а затем происходила накачка этих терминов содержательным смыслом (далеко не всегда адекватным) и их перевод в правовые нормы. Эта номиналистская психология, взращенная советской бюрократической системой, приводила к тому, что главная задача в проведении реформ или выработки какой-то политической платформы заключалась не столько в обосновании этих реформ и платформ, сколько в легализации соответствующих терминов. Прибалтийский национал-сепаратистам это удавалось делать с блеском.

Суверенизация прибалтийских республик разворачивалась через тесное взаимоувязывание всех идеологических и тактических линий, что обеспечивало результативность усилий и быстрые темпы этого процесса. Было бы чересчур большим упрощением считать, что происшедшее в Прибалтике было инспирировано и осуществлено какой-то узкой группой заговорщиков или западными спецслужбами. Думаю, однако, столь же наивным было бы усматривать в этих событиях исключительно спонтанное движение самоорганизовавшихся народных масс. Американский антрополог П.Ван ден Берге отмечал, что этничностью можно манипулировать но ее нельзя сфабриковать (7). То же самое, видимо, касается и общественных движений, основанных на этничности, самого явления этнонационализма.

Национал-сепаратизм в Прибалтике, равно как и в любой другой части СССР, коренился в определенных пластах массового сознания, связанных с отражением в нем истории и положения народов в окружающей среде. В то же время, в становлении и развитии национал-сепаратистских движений в Прибалтике нельзя не видеть организационного начала, четкого плана, ясной политической воли, причем все эти моменты не возникли в процессе "национально-освободительной борьбы" прибалтийских народов, а предшествовали ей. В 1989 г. в эстонских газетах была опубликована статья американского эстонца Р.Таагепера "История Эстонии 1989—1991 гг.". (8), в которой излагался прогноз хода поэтапного восстановления независимости Эстонии. В главных чертах этот прогноз оказался удивительно точным, что в равной мере может свидетельствовать и о прозорливости автора, и о том, что он огласил определенный план реализации этой идеи, который, кстати, содержался в его "30-летнем плане", разработанном еще в 1960-е гг. Из наличия подобных разработок, конечно, прямо ничего не вытекает, кроме того, что они существовали, что кто-то заранее, задолго до самих событий пытался их смоделировать.

Первое время прибалтийские национальные движения старались встроить свои цели в идеологию горбачевской перестройки, подчеркивала свою лояльность социализму, КПСС, лично Горбачеву, и в Москве это принимали за чистую монету. Сам Горбачев, посетив Литву в начале 1990 г., заявил, что в Прибалтике все обстоит нормально, "идет перестройка". Тогда же Верховный Совет СССР принял закон "Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР" (9), который в целом легитимизировал идеологию "экономической самостоятельности" прибалтийских республик. Впрочем, и в самих прибалтийских республиках либералы оказались сбитыми с толку эйфорией национального возрождения, лозунгами тех политиков, которых они по сути привели к власти. Так случилось, например, с некоторыми создателями литовского "Саюдиса", впоследствии покинувшими его под давлением национал-радикалов (10). Единственной силой, противостоявшей последним, явились "Интердвижения", но они были, видимо, обречены на проигрыш. Во-первых, они сформировались как движение главным образом "некоренных" национальностей Прибалтики; выступив против национал-сепаратизма они, таким образом, как бы противопоставили себя самим прибалтийским народам. Во-вторых, в силу особенностей социально-профессиональной структуры населения прибалтийских республик, о которых говорилось выше, "Интердвижения" почти не располагали собственной элитой из числа научной и творческой интеллигенции, которая была бы способной придать их лозунгам и деятельности гибкость, эстетическую привлекательность тактическую искусность. Более того, часть немногочисленной русской интеллигенции, по разным причинам, встала на сторону национал-радикалов (11). В-третьих, в политических программах "Интердвижений" присутствовали некоторые старые политические стереотипы, противоречившие идеям реформирования советской политической системы и государства. Все это в совокупности давало возможной стороне рисовать "интеров" как сплошь реакционную массу, состоящую из оставшихся военных и номенклатурщиков, "лимитчиков", людей бескультурных, оторвавшихся от своих исторических корней и не желающих

**СССР был болен или его "залечили"?
(Попытка паталого-анатомического анализа)**

воспринимать традиции и ценности Прибалтики. Наконец, средства массовой информации в прибалтийских республиках почти полностью перешли под контроль национал-радикалов, а "Интердвижения" испытывали большие проблемы с пропагандой своих идей; не получали они действенной помощи и из Москвы. Горбачевское руководство, видимо, опасалось открыто выражать им свои симпатии, а интеллигенция, формировавшая общественное мнение в России, либо была сбита с толку свободлюбивыми лозунгами националистов, либо боялась скомпрометировать себя критикой этих лозунгов.

Пожалуй, важнейшим моментом в идеологической легитимизации прибалтийского сепаратизма стали слушания на II съезде народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.) вопроса о пакте Молотова — Риббентропа, который предварительно был изучен парламентской комиссией А.Н.Яковлева. В результате пакт был осужден, но никаких выводов, пригодных для практической политики, не последовало. Объективно же этот исторический экскурс имел то значение, что парламентарии молчаливо санкционировали допустимость перенесения сегодняшней морали на исторические события, построения политики по принципу исправления грехов прошлого. Идеологически такой подход означал признание Советского государства "вечно виноватым", а политически — предоставление права кому угодно переиначивать действительность на основе произвольно интерпретируемой истории. Это сыграло большую роль не только в суверенизации прибалтийских республик, но и в общем процессе распада СССР.

В ноябре 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР принял Декларацию о государственном суверенитете, а в последующие два года процесс суверенизации союзных республик принял повсеместный и лавинообразный характер.

Союзные органы власти, сам М.С.Горбачев, осознав, наконец, что действительно стояло за перестроечной риторикой прибалтов, повели себя крайне непоследовательно и выглядели явно растерянными. То они отмалчивались, ожидая, что будет дальше. То пытались посредством законодательных новаций направить суверенизацию по контролируемому пути, сохранив возможность остановить ее у опасной черты (12). То признавали государственные акты прибалтийских республик незаконными, не отваживаясь, однако, на практические меры по пресечению подобных действий. Знаменитая нефтяная блокада Литвы только подчеркнула невнятность позиции Москвы и алогичность сложившейся ситуации. Дело в том, что блокадой она могла считаться только с точки зрения союзных властей, которые не признавали независимости прибалтийских республик. Литва же, объявившая о своей независимости без всякого переходного периода, строго говоря, не имела оснований протестовать против отмены СССР своих прежних обязательств в отношении нее. Между тем, именно Литва обвиняла центр в организации блокады, а последний отрицал это, ссылаясь на непризнанную им независимость Литвы. Жертвами такой политики Москвы стали правоохранительные органы СССР в прибалтийских республиках и военные, которые были обязаны выполнять законы СССР, но при этом оказались брошенными на произвол судьбы союзными властями, которые не желали открыто проявлять свой "империализм".

* * *

Собственно, вся соль тактики прибалтийских независимцев заключалась в том, чтобы избежать конституционных способов суверенизации (в данном случае конституционными могут считаться только такие способы, которые соответствуют законодательным нормам СССР, а не правовым актам, принятым республиками, которые нарушают эти нормы). Закон СССР о порядке отделения республик они просто игнорировали, объявив его недемократическим, препятствующим реализации этого права. Дело, однако, заключалось не в недостатках закона.

В главном этот закон вполне соответствовал зарубежной правовой практике, состоящей, в частности, в том, чтобы исключить непродуманные, случайные решения, защитить права граждан и придать отделению плавный характер. Таким образом, закон не может не "препятствовать" выходу.

Надо полагать, что конституционный путь выхода из СССР идеологов национальных движений явно не устраивал, поскольку он, по видимому, не гарантировал им успеха. Поэтому им было так важно обосновать специфику прибалтийского случая, доказать, что юридически прибалтийские государства никогда и не являлись частью СССР.

Фактически переходный период все равно состоялся, а по срокам он займет вряд ли меньше тех пяти лет, которые предусмотрены упомянутым законом СССР. Избранная прибалтийскими независимцами метода лишь вызвала сильнейшую политическую конфронтацию, что, впрочем, и требовалось, создала правовой вакуум и спровоцировала экстремистские формы борьбы за и против независимости.

Весомую поддержку прибалтам оказали "демократы" России и некоторых других республик. Уже на I Съезде народных депутатов СССР (май — июнь 1989 г.) обнаружилось, что последние готовы блокироваться с кем угодно во имя борьбы с союзным центром и КПСС. Произошло своеобразное "разделение труда": прибалтийские делегации, за исключением нескольких "интернационалистов", все свои выступления переводили в плоскость вопроса о независимости своих республик, демонстрируя вариант знаменитой антикарфагенской пропаганды, прочие же "демократы" дискутировали по общеполитическим сюжетам и солидаризировались с этой пропагандой. Этот альянс привел к тому, что российские "демократы" восприняли основные идеи национальных движений и вскоре стали самими активными участниками развала СССР.

Прибалтике я уделил столько внимания потому, что прибалтийский вариант суверенизации послужил для других союзных республик образцом для подражания. Этому способствовали во многом сами прибалтийские независимцы, которые не захотели выдержать заявленную ими же позицию "особого случая" Латвии, Литвы и Эстонии и невмешательства в дела покинутого ими СССР. Они очень активно поддерживали посредством пропаганды и через своих эмиссаров национал-сепаратистские движения в других республиках, старались дискредитировать Советский Союз как таковой. Под прямым впечатлением прибалтийских событий и используя те

же идеологические приемы, прочие республики стали одна за другой принимать аналогичные декларации и законы.

В своих первоначальных оценках политических процессов в Прибалтике и их возможных последствиях ошибался, видимо, не только Горбачев, но и Запад. Западные политики, прежде всего американцы, в тех или иных формах поддерживавшие прибалтийских независимцев, едва ли были заинтересованы в чем-то большем, чем оторвать Прибалтику от СССР. Об этом, во всяком случае, свидетельствовала их нервная реакция на его развал. Получилось же так, что именно Прибалтика оказалась детонатором этого процесса, а само ее отделение стало возможным именно благодаря избранной прибалтийскими сепаратистами тактике. Слишком поздно Запад позволил себе заметить националистические, антидемократические мотивы в политике новых правящих кругов республик Прибалтики. Удивительно, но западная демократия, почитающая выше всего права человека и законность, в случае с Прибалтикой сделала исключение, посчитав главной ценностью государственный суверенитет и права наций. Возможно, здесь проявилась недалковидность западных политиков. А возможно — традиции двойной морали в политике, идущие от времен холодной войны; среди западных политиков были, конечно, и такие, которые, неожиданно, наверное, для самих себя, смогли воочию наблюдать осуществление своей "стратегической мечты" — исчезновение Советского Союза.

Политика же Горбачева перед лицом распада государства оказалась просто никуда не годной. Ясно, что время окриков из центра и силовых методов ушло в прошлое. Надо было искать какие-то иные способы предотвращения хаотичного развала, который, как мы теперь вполне убедились, сопряжен с весьма тяжелыми последствиями. Именно в этом заключалась задача президента страны, который избирался на этот пост для защиты ее суверенитета и целостности, на худой случай — для конституционной реорганизации ее государственной системы, но не для размышлений о том, надо или не надо сохранять государственное единство.

В принципе для нормализации отношений между республиками и федеральными властями требовалось сделать не так уж много: несколько видоизменить соответствующие статьи Конституции СССР и добиться их безусловного соблюдения. В результате у нас получилось бы нормальное федеративное государство. Самое же главное следовало это сделать вовремя. Однако Горбачев слишком долго выжидал, как будто не веря в реальность раскола и надеясь, что центробежные процессы улягутся сами собой. Возможно также, он рассчитывал, что политические и экономические реформы поставят все на свои места. На мой взгляд, Горбачев совершенно напрасно проигнорировал раздававшиеся накануне I Съезда и на самом Съезде призывы рассмотреть вопрос о государственном устройстве СССР. К этому призывали и сторонники суверенизации союзных республик, и сторонники сохранения государственного единства, уже тогда вполне осознавшие силу сепаратизма. По-видимому, это был очень удобный момент и последняя возможность перехватить инициативу у сепаратистов, превентивным маневром предотвратить дальнейшую политическую дезинтеграцию страны. В то время независимцы еще опасались открыто высказывать свои конечные цели, а государственное единство СССР большинством населения воспринималось как нечто естественное и

незыблемое. В таких условиях можно было пойти даже на подтверждение существования СССР и его государственного строя путем какого-то законодательного акта или референдума без особого риска на неудачу.

Время, однако, было упущено. На первый план вышла политическая борьба за власть, затормозившая экономические реформы, которые, к тому же, были направлены по ложному пути республиканского хозрасчета и самофинансирования. Целенаправленная, каждодневная пропаганда "демократов" и национал-радикалов внедряла в умы людей стыд за прошлое своей страны, разрушала в их сознании идеологические и психологические основы советской государственности. В полной мере проявилась роль средств массовой информации. "Демократическая пресса" внесла очень весомый вклад в разрушение СССР. На удивление быстро — за какие-нибудь два-три года — казавшаяся столь прочной идея государственного единства сменилась убеждением в том, что СССР не имеет права на существование. Эскалация суверенизации по всей стране, пресловутая война законов превратили Конституцию СССР в ничего не значащую бумажку.

Горбачев постоянно отставал от развития событий, не смог предпринять ни одного упреждающего шага, но довольно упорно сопротивлялся центробежным процессам. Еще были сделаны попытки сохранить СССР путем всеобщего референдума (17 марта 1991 г.) и "пересоздать" его при помощи нового Союзного Договора, но ничего путного из этого, как и предполагали и предупреждали многие специалисты, не получилось. Ситуация скорее еще больше запуталась. Формула референдума включала сразу несколько принципиальной важности положений: и о сохранении СССР, и о сохранении общественного строя, и о суверенности субъектов федерации. Видимо, сделано это было специально для того, чтобы обеспечить положительный результат. Вышло же так, что результат был достигнут, но в силу многозначности формулировки каждый получил возможность трактовать его по-своему. Так, сразу же после референдума председатель Верховного Совета Украины Л.Кравчук заявил, что референдум показал стремление населения республики к независимости. Неудачно был выбран и момент проведения референдума — после известного конфликта в Вильнюсе. Это дало возможность правительствам прибалтийских республик просто проигнорировать референдум. Впрочем, скоро на итоги референдума вообще перестали обращать внимание.

Допутчевские варианты Союзного Договора тоже отличались эклектичностью и непоследовательностью политико-правовых принципов, не могли в полной мере устроить ни федералистов, ни конфедералистов, и даже если бы Союзный Договор был заключен на такой основе, то он вряд ли был бы достаточно прочным.

Решающей позицией, которую сдал Горбачев в надежде путем компромиссов предотвратить дезинтеграцию страны, стало признание им в начале 1991 г., допустимости сочетания федеративных и конфедеративных связей внутри СССР. Это было моментально использовано для того, чтобы похоронить идею федерации. Вообще договорный процесс весной — летом 1991 г. отличался редкостной словесной эквилибристикой и полным пренебрежением к содержанию политико-правовых понятий. Горбачев в конце концов был вынужден принять конфедералистскую терминологию,

ЧЕШКО С.В.

**СССР был болен или его "залечили"?
(Попытка паталого-анатомического анализа)**

но явно стремился через Союзный Договор реанимировать единое государство, каковым, как известно, конфедерация не является. Ельцин на одной из своих пресс — конференций немало удивил испанского журналиста, когда, отвечая на его вопрос, сообщил, что федерация и конфедерация — это одно и то же. При этом, в отличие от Горбачева, он склонялся по сути к конфедеративному устройству СССР. Оценивать взгляды политиков по их отношению к понятиям "федерация", "конфедерация", "союз", "союзное государство" стало совершенно бессмысленным занятием, поскольку в эти понятия они вкладывали то, что им хотелось. Политическая логика определялась политическими целями. Логика независимцев состояла в том, что для ликвидации пороков унитаризма требовалось построить не федерацию, а ликвидировать само государство и, в лучшем случае, создать на его месте некий межгосударственный союз.

Совершенно профанированным и запутанным оказалось понятие "суверенитет". Одни толковали его как полную независимость, другие — как ограниченный суверенитет в рамках СССР. Поэтому, например, декларации и законы союзных республик о суверенитете, а также результаты референдума 17 марта 1991 г. можно было интерпретировать каким угодно образом.

Августовский путч в Москве прервал договорный процесс. Независимцы в бывших союзных республиках использовали его как отличный предлог для того, чтобы отбросить даже видимость лояльности к Конституции СССР. Опять сработала та самая политическая логика, в которой трудно обнаружить здравый смысл: ГКЧП выступил против намечавшегося к подписанию проекта Союзного Договора (13), и поэтому победители отвергли Договор.

Что касается самого путча, то он, строго говоря, был не более антиконституционен, чем действия республик, которые последние годы только то и делали, что нарушали Конституцию СССР. Путч явился попыткой чрезвычайными мерами остановить ползучий антиконституционный переворот, а привел он к тому, что этот переворот получил дополнительное моральное обоснование и пошел совершенно открыто. Пожалуй, будущие историки и правоведы могут даже прийти к выводу, что цели путчистов были более оправданы с точки зрения Декларации об образовании СССР 1922 г. и Конституции СССР. Однако в 1991 г. серьезно говорить о законности не имело никакого смысла, поскольку она была подменена пресловутым "революционным правом", проще говоря — правом сильного. Те, кто растоптал Конституцию СССР, не удосужившись предварительно добиться ее отмены, кто высказывал сомнения относительно легитимности президента страны, так как он был избран не народом, а съездом, кто постоянно и публично наносил ему оскорбления, выступил против ГКЧП потому, что тот нарушил Конституцию и сверг президента!

Трагедией советского общества стало то, что последней опорой его политического единства оказались представители "вчерашних", к тому же люди, которые никак не могли рассчитывать на ореол народных героев и, более того, профессионально несостоятельные, если не смогли толком распорядиться имеющимися у них возможностями. Сомнительно, правда, что мы скоро узнаем "всю правду" о путче, если это вообще был "путч". Его

странности и его бездарный провал побуждают предполагать, что решение загадки августовских событий 1991 г. тоже выпадает на долю будущих историков и архивистов. Пока же можно судить только о результатах прошедшего.

Мало оснований полагать, что ГКЧП — во всяком случае тот, который мы видели на телеэкранах — установил бы в стране демократический режим и положил бы конец политическому и экономическому кризису. Но нет оснований считать его поражение победой демократии и законности. Россия, пользуясь правом сильного, без всякого стеснения перетрясла и "национализировала" многие союзные структуры власти, разогнала коммунистическую оппозицию, без суда и следствия запретила КПСС, активизировала наступление на представительные органы власти. Прочие республики принялись делить ту союзную собственность, которая еще оставалась не экспроприированной ими, включая вооруженные силы.

Между тем, Горбачев довольно быстро оправился от августовского потрясения и того публичного унижения, которому его подверг Ельцин после подавления акции ГКЧП — заклятый враг Горбачева, ставший его нежеланным спасителем. Горбачев вновь проявил умение "забывать" обиды и находить выход из тяжелых ситуаций. Он просто сделал вид, что августовский путч никак не повлиял на его статус и прерогативы президента страны, не перечеркнул новоогаревский процесс и что у него с Ельциным нет разногласий. Последнего же он на время ублажил тем, что сдал ему КПСС.

Несколько поправив свое реноме, Горбачев осенью 1991 г. сделал еще одну попытку сохранить то, что еще оставалось от СССР, а также свою власть — в той ситуации это было, впрочем, одно и то же.

Новый проект Союзного Договора по содержанию был хуже всех предыдущих — в том смысле, что он предусматривал построение еще более внутренне противоречивого, федеративно-конфедеративного государственного образования. Если бы оно было создано, то очень скоро начались бы бесконечные трения между властными структурами разных уровней относительно трактовки основополагающих принципов и статей Договора. Однако в данных конкретных условиях он стал бы, видимо, единственно возможным способом начать выход из политического кризиса.

Новоогаревский процесс — II отличался от своего предшественника и сменой некоторых политических ориентиров. Раньше Горбачев явно стремился удержать в Союзе как можно больше республик, прежде всего Украину, и эта цель обуславливала недостатки предыдущих проектов договора — эклектичность и размытость заложенных в них принципов. Получалось же все наоборот. Республики не были поставлены перед жестким выбором в своем политическом самоопределении, имели возможность выдвигать все новые требования, играть на лозунге суверенитета, демонстрировать свое право присоединяться или не присоединяться к Договору. Характер же этих требований свидетельствовал о том, что республиканские власти были озабочены не столько тем, чтобы создать нечто действующее и управляемое, сколько тем, чтобы удовлетворить свою национальную гордость и тщеславие. Для них главным критерием в оценке проектов Договора было то, в какой степени они обеспечивают государственный суверенитет и "экономическую самостоятельность" своих республик. В их по-

зиции просматривалась совершенно бесперспективная и по-детски наивная идея: создать такое политическое образование, в котором республики фактически смогут игнорировать общегосударственные органы власти и в то же время пользоваться всеми политическими и экономическими преимуществами единства страны. Те же республики, которые занимали более взвешенную позицию (Белоруссия, Казахстан, Киргизия и др.), оказались связанными принципом общего согласия.

Ново—Огарево II выдвинуло другой принцип: главное — заключить соглашение, а сколько республик его подпишут — это уже менее важно. По-видимому, такой подход был гораздо более реалистичным. Во-первых, он позволил бы навести порядок хотя бы на части территории страны, а во-вторых, некоторые другие республики неизбежно, рано или поздно, присоединились бы к Договору, ибо иного выхода у них не было бы.

Скорее всего, именно реалистичность и перспективность Союзного Договора в его осеннем варианте и послужила причиной того, что он был торпедирован тройственным соглашением о Содружестве Независимых Государств между Белоруссией, Россией и Украиной. Срыв подписания Договора в августе произошел по той же причине после того, как невероятно трудный новоогаревский процесс наконец-то дал результат. Ситуация в декабре, как мы видим, повторилась, с той лишь разницей, что на авансцене событий оказались другие люди, а М.С.Горбачева отстранили от власти уже "законным" способом, предварительно "отстранив" сам Советский Союз. Можно подумать, что ГКЧП только для того и появился, чтобы стать прелюдией декабрьской драмы.

Резкое изменение позиции Ельцина, который до последнего момента демонстрировал поддержку Союзному Договору, а потом вдруг без каких-либо предварительных ходов, отправился в Беловежскую Пущу разрушать СССР, тоже вполне объяснимо. Дело, конечно, было не в том, что эта акция, как заявляли ее участники, являлась последней возможностью сохранить единство: трудно уловить логику такого тезиса. Беловежское соглашение преследовало цель сорвать процесс восстановления единства, создав взамен гораздо менее интегрированную политическую систему. Видимо, Ельцин просто обнаружил, что Горбачев опять его переигрывает, поскольку заключение Союзного Договора означало бы укрепление его, Горбачева, положения, а Ельцин вновь очутился бы на втором месте в политической иерархии СССР.

Я уже доказывал {в предыдущих главах моей книги}, что распад СССР — это результат сочетания различных факторов и целенаправленной деятельности национал-сепаратистских сил в ряде союзных республик. Уточним этот тезис.

Национал-сепаратизм привел к суверенизации республик, ослаблению государственных структур и экономики страны, к фактическому выходу из состава СССР Латвии, Литвы и Эстонии, примеру которых были готовы последовать и некоторые другие республики. Однако это была еще не ликвидация СССР, а отпадение от него отдельных частей. СССР мог сохраниться, даже если бы в нем осталась одна РСФСР, и, наоборот, он не мог бы существовать, если бы в нем остались все, кроме России. Именно России в критический момент принадлежало решающее слово. На нее смотрели те республики, которые колебались или просто не желали

полного разрыва. И Россия — Россия "демократов" — сказала свое слово, добив находившийся в реанимации Союз. Российские "демократы", в силу своих политических интересов, оказались не только союзниками националистов из других республик, которые стремились лишь отделиться от СССР.

Между прочим, впоследствии Г.Попов назвал ошибкой демократов то, что они, увлекшись тактической борьбой против "бюрократического центра и имперского варианта СССР", допустили вообще ликвидацию Советского Союза (14). По мнению Г.Попова, демократам следовало настоять, чтобы Ельцин, вместо того, чтобы разгонять СССР, стал его президентом: каким образом пришлось бы устранить Горбачева, он не объяснил.

Что ж, возможно, в финале драмы "демократы" действительно допустили ошибку с точки зрения их стратегических целей. Понятно и желание одного из лидеров "демократов" дистанцировать свою партию и самого себя от ее же выдвиненцев, совершивших беловежский переворот, — от Ельцина, Бурбулиса, Шахрая и пр. Но Г.Попов явно слукавил, отведа "демократам" лишь пассивную роль "непротивленцев". Именно "демократы" в 1990—1991 гг. занимались осознанным и систематическим подрывом союзного государства, и делали это настолько успешно, что совершить переворот оказалось пустячным делом.

"В подходе к ликвидации СССР, — отметил Г.Попов, — возобладали не демократ, а российский чиновник, для которого устранение СССР было поводом занять престижное здание, переселиться в более просторный кабинет, прикрепиться к новой поликлинике. Символично, что российскому аппарату после СССР не хватило всех зданий, занимавшихся и им самим, и союзными органами (15). Очень верное замечание. Но его, наверное, следует отнести не только к послепутчевским событиям августа—декабря 1991 г. О сути всей "демократической революции" в России трудно сказать точнее, чем приведенными здесь словами одного из ее главных организаторов.

Идеологемы национал-сепаратизма

Феномен национализма неплохо исследован зарубежными учеными (16). Думается, они преуспели в этом деле главным образом по двум причинам. Во-первых, эти ученые живут в относительно благополучных с точки зрения этнополитических проблем странах (США, Великобритания и др.) и имеют возможность рассматривать их в спокойной, академической обстановке, на материалах других — далеко не столь благополучных — стран и не опасаться, что за свои изыскания они подвергнутся обструкции по политическим мотивам. Совсем в иной ситуации находились советские ученые в конце 1980-х — начале 1990-х гг., в период бурного роста национальных движений. Тогда малейший намек на националистический характер этих движений, малейшая критика национальной идея расценивались самими этими движениями, а также, например, московской "прогрессивной интеллигенцией" как проявление коммунистической, имперской идеологии. Может быть, отчасти по этой причине у нас до сих пор не издано ни одного солидного исследования о национализме. Впрочем не

ЧЕШКО С.В.
СССР был болен или его "залечили"?
(Попытка паталого-анатомического анализа)

имеется и достаточных навыков анализа этого феномена. В советское время цензура позволяла говорить разве что о "националистических предрассудках" как о пережиточных явлениях при социализме.

Во-вторых, западные ученые обычно рассматривают национализм как гораздо более сложное и исторически устойчивое явление, чем это было принято в советской науке. Они могут признавать марксистское определение национализма как выражение мелкобуржуазной идеологии (17), но в то же время не связывать его жестко с каким-то определенным социально — экономическим укладом и определенной политической системой. И здесь, кстати, они оказываются большими марксистами, чем советский научно-идеологический официоз. Уместно вспомнить положение о том, что базовый для данной стадии развития уклад может присутствовать уже на предыдущей стадии и сохраняться на последующей. Отличие заключается также в том, что национализм, с точки зрения западной науки — это определенный принцип устройства общества и определенная мировоззренческая система, основывающиеся на идее нации (этнонации), а не на какие-то девиантные формы сознания, предрассудки, пережитки и т.п. Думается, такой подход более эвристичен. Он позволяет исследовать явление национализма как таковое, не подменяя исследование морализированием.

Настоящая работа касается, впрочем, не национализма вообще, а его роли в распаде СССР, причем речь идет главным образом об идеологических аспектах. Разумеется, идеология национализма обусловлена многообразными объективными, прежде всего социально-экономическими, факторами.

Однако для целей нашего исследования специальный и детальный анализ этих факторов не так уж и важен. Национализм обладает свойством распространять свое влияние далеко за пределы тех групп населения, которые сознательно избирают его для достижения своих политических или экономических интересов. А именно превращение национализма в достаточно массовую, нормативную идеологию стало одним из важнейших факторов распада СССР.

Выше я высказал предположение, что в Прибалтике национализм выразил не только спонтанные процессы, происходившие в массовом сознании, но и был намеренно использован в качестве средства достижения конкретной цели — отделения от СССР. В других республиках могло быть и иначе, т.е. задача отделения не обязательно должна обуславливать национализм и появление национальных движений. Собственно, в большинстве республик СССР эти движения первоначально ставили другие цели: вытеснение иноэтничного населения, предоставление правовых преимуществ лицам своей национальности, экспроприация общесоюзной собственности, утверждение этнизированных идеологических ценностей и символов и т.д. Однако в конечном счете национализм чаще всего приходит к сепаратизму, к идее создания собственного, (этно)национального государства. Правда, эта идея может выражаться не в полном отделении, а в "отдалении". Такой характер имел процесс суверенизации во всех союзных республиках, за исключением прибалтийских и, может быть, Грузии. Все желали стать политически независимыми, но в то же время мало кто хотел полностью избавиться от патернализма Москвы и России. Однако сути дела

это не меняет: речь идет о большей или меньшей степени выраженности сепаратизма.

Один из главных аргументов национал-сепаратизма в СССР состоял в утверждении, что образование Советского Союза произошло в результате насильственного присоединения к нему или, еще раньше, к Российской империи, государств, ставших затем союзными республиками. С этим тезисом соотносился другой: союзные республики первичны по отношению к союзному государству — по той же, указанной выше причине, а также потому, что именно союзные республики выражают интересы народов. Отсюда следовала цепочка умозаключений — от требований передать республикам значительную часть полномочий федеральных органов власти до провозглашения суверенитета республик явочным путем. Надо признать эффективность подобных идеологем. На некоторую часть советского населения, включая многих политиков, ученых, либеральных интеллигентов, они оказывали прямо-таки парализующее воздействие, затруднявшее их критическое осмысление. Однако им можно противопоставить, как мне представляется, достаточно серьезные контраргументы.

Отказ от конституционного пути изменения отношений между республиками и федеральными властями означал отказ от реформационного способа преобразования государственной системы СССР, от принципов правового государства. Он означал разрушение права как такового. Между прочим, это тут же породило цепную реакцию сепаратизма в самих республиках (в Грузии, Молдавии, в более мягких формах — в некоторых других союзных республиках), оперировавшего точно такими же лозунгами.

Далеко не соответствуют действительности обвинения против дореволюционной России и СССР в том, что они всех завоевали или аннексировали — не соответствуют в той же мере, что и пропагандировавшийся прежде тезис о добровольном присоединении к России абсолютно всех территорий. Было и то, и другое. И в подавляющем большинстве случаев присоединения, насильственные или добровольные, касались отношений России не с народами, а с их властями. Но дело даже не в этом. "Первичность" союзных республик и обоснованность парадигмы восстановления их независимости оказываются при ближайшем рассмотрении не столь уж бесспорными.

Только Латвия, Литва и Эстония были включены в состав СССР, будучи самостоятельными государствами и в границах, в основном, их нынешней территории. Правда, в результате экспансии СССР Литва получила свою теперешнюю столицу с округой и Клайпеду, о чем критики пакта Молотова — Риббентропа предпочитают поменьше вспоминать. Из них только Литва имела в историческом прошлом собственную, отдельную государственность (с 1240 г. по 1569 г., до объединения с Польшей). Суверенные Латвия и Эстония просуществовали чуть больше 20 лет.

Белоруссия так же, как Латвия и Эстония, до 1917 г. никогда не была государством, никогда не представляла собой какого-то единого и особого политического или социально — экономического организма и на протяжении всей своей истории попеременно входила в состав других государств (России, Литвы, Речи Посполитой, Польши). Первой и далеко не

полноценной формой государственности была Белорусская Рада, провозгласившая в марте 1918 г. независимость от России. После освобождения от германской оккупации образовалась Белорусская ССР, но вскоре, в связи с конституированием самостоятельного Литовского государства, вернула свой статус и в этом качестве вошла в 1922 г. в составе соучрежденного ею Советского Союза. Едва ли можно сомневаться в том, что суверенитет той БССР был эрзац-суверенитетом, простиравшимся не дальше целей и революционной тактики большевиков. Схожая, хотя и более сложная, была история украинской государственности.

Молдавское государство (Молдавское княжество), конституировавшееся в середине XIV в., в XVI в. оказалось под властью Османской империи. В XIX в. ее восточная часть вошла в состав России, а западная — вместе с Валахией — образовала Румынское государство. В новейшее время, уже в рамках Украинской ССР, была учреждена автономная республика, унаследовавшая старое название Молдавского государства. В 1949 г., после возвращения Бессарабии, она была преобразована в союзную республику.

Грузия вошла в состав России частями, не представляя собой единого государства. Общегрузинская государственность по сути возникла лишь после Октябрьской революции. То же самое произошло с Арменией, но она вообще утратила независимость задолго до начала продвижения России в Закавказье. У азербайджанцев общенационального государства до создания в 1920 г. Азербайджанской ССР не имелось.

Уже в составе СССР были образованы и национальные государства Средней Азии и Казахстана. Их историческая и тем более правовая преемственность с Хивой, Бухарой и Кокандом представляется более, чем сомнительной: именно Советская власть провела в регионе национально-политические границы, которые рассекли территорию прежних государств.

Таким образом, большинство национальных государственных образований (в виде союзных республик) возникли в результате революционных событий в России 1917 г. или даже в структуре СССР и никак не могут считаться прямыми правопреемниками тех государств, которые когда-то существовали на территории, объединенной впоследствии Российской империей и Советским Союзом. Тем более этого нельзя сказать о республиках, одноименные народы которых раньше не имели государственности. Словом, вопрос об историческом приоритете государственных новообразований по отношению к России — СССР, которая в своем драматичном развитии большей частью сама же их и породила, оказывается не столь уж простым.

Скорее уж можно поставить вопрос о подчинении, завоевании (или о чем-то еще в этом роде) народов и территорий — пожалуй, вернее сказать территорий, поскольку любые завоевания имеют объектом именно территории, а не какие-то определенные этнические общности. Но тогда возникает другой вопрос: а кто, собственно, завоевывал и подчинял? Советский Союз не мог выступать в такой роли (за исключением присоединения Прибалтики) (18), так как он сам сложился в результате объединения частей бывшей Российской империи. Ни одна бывшая союзная республика не решалась обвинить в этом Россию (РСФСР), а российские "демократы", в свою очередь, тоже провозглашали восстановление по-

гранной в Советское время российской государственности. Выходит, что коллизий, которые принято квалифицировать как аннексии, в принципе не могло быть, ибо не существовало главного субъекта таких коллизий. Если кто-то кого-то и завоевывал, то это были большевики. Однако большевики представляли собой не государство, а политическое течение, дислокальное и интернациональное, и проблема переходит из плоскости межгосударственных и международных (межэтнических) отношений в плоскость политической борьбы в условиях революции и гражданской войны. Утверждать, что в 1921 г. большевики завоевали Грузию (а это были и грузинские большевики) — не более правомерно, чем утверждать, что до них Грузию завоевали меньшевики (грузинские), да еще при помощи немецких, турецких и английских войск. Ни большевики, ни меньшевики, ни кадеты или монархисты никого не завоевывали. После 1917 г. на почве политической борьбы происходило разъединение Российского государства, а затем — стягивание его вновь в новых формах и на новой политической основе. Подобное случалось во многих революциях, но никто до сих пор не утверждал, что, например, Бавария была аннексирована Германией в 1919 г. на том основании, что Баварская Советская Республика была разгромлена войсками правительства Эберта—Шейдемана. Весьма экстравагантной выглядела бы также идея о том, что та Баварская Советская Республика являлась правопреемницей существовавших в прошлые века суверенных баварских государств — герцогства, курфюршества и королевства.

Чем больше мы будем углубляться в историю, тем меньше будем находить ориентиров для ее экстраполяции на современные политические проблемы. Мы обнаружим, что народы переселялись, политические границы изменялись, государства возникали и исчезали, мирные отношения чередовались с войнами и завоеваниями. Мы также обнаружим, что до XIX в. этнический фактор не играл существенной роли в межгосударственных отношениях и внутривнутриполитической жизни стран Европы и Азии; политические границы определялись не этническим составом населения сопредельных государств, а династическими, религиозными и другими факторами. "Вековые мечтания" народов о собственной национальной государственности — это миф, рожденный национализмом в XIX—XX вв.

С исторической точки зрения чрезвычайно двусмысленно выглядит лозунг возрождения Российского государства. Строго говоря, приверженцы этой идеи должны стремиться к восстановлению государства, существовавшего до 1917 г. Право же, имперская позиция В.В.Жириновского выглядит гораздо более последовательной, чем призывы "демократов" возродить "единую и неделимую" Россию без значительной части ее прежней территории: без Прибалтики, Украины и Белоруссии, Закавказья, Молдавии, Казахстана и Средней Азии. Празднование в ноябре 1991 г. в Москве и бывшем Ленинграде 279-летия Ништадтского мира и провозглашения Российской империи выглядело театральным фарсом. Для такого случая "демократы" на время оставили антиимперскую риторику, забыли о том, что именно Петр I присоединил к России Эстляндию, Лифляндию, Ингрию, Ингерманландию, нащупывал пути проникновения в Закавказье и Бессарабию, в Персию и Среднюю Азию.

Дальше — больше. До Петра Россия произвела многочисленные завоевания и присоединения, среди которых — Сибирь, включая суве-

ЧЕШКО С.В.
СССР был болен или его "залечили"?
(Попытка паталого-анатомического анализа)

ренное Сибирское ханство, Казань, Астрахань. А после Петра, в эпоху наибольшего могущества империи (от Екатерины II до Николая I) было завоевано и присоединено все остальное, что потом стало Советским Союзом. Спрашивается, преемниками чего и кого считают себя нынешние "наследники петровы", развалившие СССР и одновременно утверждавшие, что они возрождают российскую государственность? Если уж следовать логике их действий, то надо будет доискиваться до некой "Руси изначальной", которая никого не завоевывала и не покоряла. Возможно, это будет маленькое Московское княжество домонгольской эпохи или Великое княжество Владимиро—Суздальское, или же Тверь, неудачливая соперница Москвы в деле собирания русских земель в период владычества Золотой Орды. Можно пойти и до Киевской Руси, в рамках которой сложилась древнерусская народность, но, думаю, против этого будут возражать и украинцы, и белорусы. К тому же, и Киевская Русь только тем и занималась, что объединяла и завоевывала окружающие племена и народы как славянские, так и неславянские.

В результате всех этих исторических изысканий мы скорее всего придем к выводу, что на основании фактов исторического прошлого невозможно строить политику, не говоря уже о том, что распространять на это прошлое сегодняшние нормы морали, представления о справедливости и несправедливости — совершенно бессмысленное дело.

С не очень отдаленным прошлым тоже можно легко запутаться. Весной 1991 г. Российский парламент принял "Закон о реабилитации репрессированных народов": принял поспешно, без должной научной экспертизы, с явной целью обеспечить поддержку Б.Ельцину на президентских выборах со стороны северокавказских народов. Председатель парламента Р.И.Хасбулатов назвал этот закон историческим, а многие известные мне специалисты предсказывали резкое обострение ситуации на Северном Кавказе. Так оно и вышло. Политические руководители России действительно "вляпались в историю" и с тех пор вынуждены пожинать плоды своей легкомысленной политики. Закон предписывает восстановить границы автономий, существовавшие до депортаций 1944 г., и в то же время распространяет свое действие на казаков (19), у которых до революции имелось собственное территориальное самоуправление. В такой ситуации права в своих требованиях оказались все, кроме закона, который смешал исторические времена и таким образом спровоцировал ухудшение и без того сложных межэтнических отношений в регионе. К тому же, в 1920 — 1930 гг. национально-территориальное деление на Северном Кавказе неоднократно изменялось и приобрело свой окончательный вид как раз в пору расцвета сталинской национальной политики. Да и само это деление было создано большевиками, к которым "демократы", как известно, симпатий не питают. Получается, что российская "демократия" избрала в качестве эталона своей политики в национальном вопросе критикуемую ею политику большевиков.

* * *

Примером политических несуразностей, происходящих от незнания истории или произвольного манипулирования ею, в нашей действитель-

ности — превеликое множество. Чтобы избежать их, выпутаться из возникающих в результате патовых ситуаций, необходимо было, наверное, объявить своего рода мораторий на историю. Надо было признать, что республики, объявившие о своей независимости, ничего не возрождают, а строят нечто новое на обломках уничтожаемого ими государства. Следовало отбросить пафос "восстановления исторической справедливости" и начать делать нормальную политику, ориентированную на интересы ныне живущих людей и учитывающую современные реалии.

Теперь мы подошли к главной идеологеме сепаратизма и "анти-СССРизма" — к национальной идее.

В шестой главе речь шла о некоторых исторических, социальных, политико-правовых и психологических причинах формирования идеологии национализма в СССР. Формировалась она не только спонтанно. Отдельные ее элементы зачастую конструировались целенаправленно и запускались в обиход. Можно, например, назвать своего рода нациостроительство, обращенное в прошлое, которым занимались историки и представители других гуманитарных наук во многих союзных республиках. Оно заключалось в попытках максимально удревнить и облагородить историю своих народов, очистить ее от иноэтничных влияний. Научные дискуссии по совершенно, вроде бы, безобидным проблемам археологии, физической антропологии, истории, этнографии, филологии подчас превращались в ожесточенные битвы, а со стороны производили довольно комичное впечатление. Так, некоторые казахские ученые пытались доказать, что казахская нация существовала уже практически с эпохи верхнего палеолита, Таджикские и узбекские ученые яростно спорили о том, кто первый появился в Средней Азии — ираноязычные народы или тюрки, и кем был по национальности великий Бируни. Армянские ученые отбивали попытки азербайджанских коллег "аннексировать" всю древнюю кавказскую Албанию, а также "переместить" Ноев ковчег с горы Арарат в Азербайджан. И это еще не самые яркие примеры научного творчества на почве национализма.

Подобные изыскания имели вполне определенную цель — "застолбить" для своих народов историческое пространство, с помощью истории обосновать их исключительное право на владение данными территориями. Это была подготовка к переносу целей национализма в современность, разминка перед настоящими баталиями.

Национал-сепаратизм заявляет, что носителем суверенитета является народ. Демократизация общества заключается в передаче власти народу, а лучше всего обеспечить власть народа — путем создания им своей, независимой от соседей, государственности. Поэтому суверенитет таких государственных образований (в нашем случае — бывших союзных республик) первичен по отношению к суверенитету стоящих над ними политических структур (СССР).

Кроме того, утверждается, что государственность — это лучший способ развития культуры народа, защиты его от ассимиляции. А народ и его культура — извечные и нетленные ценности человеческой цивилизации. Национальная (этническая) государственность объявляется основой общественной жизни (20) и средой существования "лишь одной коренной

ЧЕШКО С.В.
СССР был болен или его "залечили"?
(Попытка паталого-анатомического анализа)

нации" (21). И наконец: "Национализм — это естественное и закономерное движение народа в защиту и утверждение своей самобытности" (22).

Вот — стандартный набор аргументов национал-сепаратистов и романтиков, подвизающихся на ниве национальной идеи. Попробуем разобраться во всем по порядку.

Уместно поставить вопрос, что это за народ, который должен рассматриваться в качестве субъекта права. Националистическая парадигма имеет ввиду народ-этнос, а демократическая парадигма народ как совокупность граждан, безотносительно к их этнической принадлежности. Только на основе последней возможно реализовать нормативный для современного мирового сообщества принцип приоритетности индивидуальных прав человека над любыми групповыми правами. Этот принцип — не красивая абстракция, а весьма жесткий, своего рода категорический императив современности, главная структурообразующая категория демократического гражданского общества. Для национализма же характерно признание на словах приоритетности прав человека, а на деле — допущение необходимости того, чтобы "коренной народ" и его культура хотя бы "чуть-чуть" пользовались правовыми и фактическими преимуществами. Однако этого "чуть-чуть" оказывается вполне достаточно, чтобы подменить права человека системой национального патернализма.

Акцентирование на суверенитете нации-этнуса имело тройное следствие: ущемление прав иноэтничных граждан, ущемление прав граждан своей национальности, если они не желают следовать доктрине национализма, а также отказ от признания существования советского народа и общесоюзной государственности.

Соответственно различаются способы и правовые нормы выявления воли народа. Для национализма достаточно получить поддержку своего этноса или, что обычно и делается, искусственно создать эту поддержку посредством психологического давления (через средства массовой пропаганды, парламент, массовые манифестации и т.д.). "Национальная идея" всегда выступает как выражение интересов тех политических сил, которым удастся возглавить национальное движение, но не всего и даже не обязательно большей части этноса, так как последний всегда социально неоднороден, а национальные интересы, не наполненные конкретным социальным содержанием, не существуют. Для демократии же важно действительно узнать мнение народа, выявленное демократическим способом. Одного лишь, например, факта проведения референдума (как, например, в Прибалтике) для этого недостаточно: известно, что и реакционные режимы способны легитимизировать себя при помощи референдумов. Необходимо еще обеспечить свободную состязательность идей и политических оппонентов в подготовительный период, дать возможность людям понять суть и последствия их выбора. Ни в одной из бывших союзных республик СССР эти условия не были соблюдены, зато во многих из них были применены самые беззастенчивые способы давления на население и фальсификации его волеизъявления. Прибалтийские власти, например, просто не дали возможность гражданам участвовать во всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. о сохранении СССР. Обычный же прием заключался в принятии республиканскими парламентами деклараций и законов о государственном суверенитете — естественно, как выражение опять-таки воли народов.

При этом о выходе из СССР ничего не говорилось, но, в силу той путаницы, которая была внесена в вопрос о понятии "суверенитет" (полный или ограниченный, в составе СССР или вне его), такие акты можно было интерпретировать, в зависимости от ситуации, каким угодно образом.

Смысл национализма очень наглядно демонстрирует следующий пример. Говоря о непосредственной связи национализма и сепаратизма, я не коснулся другой стороны вопроса. Сепаратизм, хотя, видимо, и крайне редко, может иметь внациональный характер, будучи реакцией на национализм. В СССР имелся, кажется, только один случай такого, вторичного по происхождению и "интернационального" по природе и идеологической направленности сепаратизма — Приднестровье. Здесь, вопреки расхожим представлениям, наиболее многочисленную этническую группу составляют молдаване (около 40%), а далее по численности следуют украинцы и русские. Сепаратизм Приднестровья — особого свойства. Его изначальная цель заключалась не в том, чтобы отделиться от кого-либо, а остаться в составе СССР. В данном случае мы имеем перед собой уникальный для нашей страны пример попытки гражданского, а не этнического, самоопределения. Не удивительно, что приднестровцы оказались объектом ненависти молдавских патриотов, не получили хотя бы моральной поддержки со стороны российских "демократов". Молдаванин имеет естественное право отделиться от Молдавии, чтобы остаться в СССР. О не — молдаванах — "гостях республики" — и говорить нечего. Такова квинтэссенция национал-сепаратизма!

Как же случилось, что общественная мысль в СССР в конце 1980—х гг. оказалась подавленной идеологией национализма? Сыграли свою роль те политические, идеологические и социальные факторы, проявившиеся в ходе либерализации режима при Горбачеве, о которых мы говорили. Одной из причин явилась также интеллектуальная беспомощность общества. Сказалась и укоренившаяся привычка подчинять анализ общественных явлений политической конъюнктуре, интересам политической элиты, "общественному мнению" и т.д.

Почти все созданные в годы перестройки программы решения национального вопроса представляли собой улучшенные или ухудшенные варианты старой системы государственного национализма.

Как и в других вопросах общественной жизни, в разработке новой политики, касающейся этнополитических проблем, конкурировали две основные силы — КПСС и "демократы". Интересно поэтому вспомнить, как проходило это "творческое соперничество" и какие оно дало результаты.

Позиция КПСС — точнее сказать, ее руководящего звена и аппарата Центрального Комитета, который формировал эту позицию, — отражена в таких документах, как "Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС" (июль 1988 г.), платформа КПСС "Национальная политика партии в современных условиях" (сентябрь 1989 г.), платформа "К гуманному, демократическому социализму", принятая XXVIII съездом КПСС (июль 1990 г.), некоторые другие.

Во всех этих документах содержатся бесспорные положения о равноправии народов и граждан, о необходимости расширения полномочий республик, отстаивается мысль о важности сохранения единства СССР, указывается на недопустимость национализма. Главный же недостаток,

которым они страдают, — признание субъектами межнациональных отношений не столько народов, сколько союзных республик и автономий.

Показательно, например, что в итоговом документе сентябрьского 1989 г. пленума ЦК КПСС эта проблема была обозначена лишь мимоходом, в числе многих других нюансов национальной политики: "Постоянно принимать в расчет отношения не только между национально—государственными образованиями внутри Союза, но и (но и!) между нациями, народностями и национальными группами в республиках и регионах" (23). Помнится, когда я поинтересовался мнением одного из ответственных работников ЦК КПСС по поводу этого "но и", он, нисколько, видимо, не ощущая ложности ситуации, ответил, что включение народов в число участников межэтнических отношений, хотя бы и во вторую очередь, — это уже крупное достижение партийной мысли.

В том же документе содержится и другое любопытное положение установка на восстановление "ленинского принципа национального самоопределения в его подлинном значении". О "подлинном значении" говорить, наверное, можно, поскольку Ленин оставил на этот счет достаточно ясные указания, но дело-то в том, что ленинская формула самоопределения не имела универсалистского характера. Она была предназначена для конкретных целей преодоления национального неравноправия, существовавшего в дореволюционной России, и построения советского государства.

Основным направлением в "совершенствовании межнациональных отношений" объявлялось преодоление сверхцентрализма и унитаризма, обеспечение экономической самостоятельности республик и национальное самоопределение в политических формах. Нетрудно заметить, что здесь присутствуют все или почти все необходимые предпосылки идеологии сепаратизма. В указанных документах как нельзя лучше проявились неспособность партийных функционеров и "партийной науки" адекватно оценить характер политических процессов в стране, критически взглянуть на обветшалые идеологические стереотипы, традиционное избегание постановки принципиальных вопросов, ориентация на политическую конъюнктуру. Во многом такая позиция обуславливалась тем, что КПСС все еще оставалась главным элементом государственной системы, а государство в тот период перестройки в лице Горбачева и его помощников старалось не раздражать политических оппонентов.

Безликость политики КПСС в национальном вопросе объяснялась, видимо, и личными качествами тех секретарей ЦК, которые ее курировали в разное время. А.Н.Яковлев, с его склонностью к философичности и абстрактным пониманием демократии, был не способен противопоставить национализму какую-то принципиальную позицию. В.А.Медведев демонстрировал блестящее умение, приобретавшееся в стенах АОН ЦК КПСС и коридорах партийной власти, обстоятельно и убедительно рассуждать о самых разных вещах, не говоря при этом ничего конкретного.

В то время мне, как и многим моим коллегам из различных научных учреждений, приходилось заниматься подготовкой аналитических и рекомендательных материалов для ЦК КПСС по вопросам национальной политики, участвовать во всевозможных конференциях, совещаниях, заседаниях. От этой деятельности у меня осталось ощущение полной безысходности и чувство глубокого удивления. В условиях, когда в стране

набирали силу националистические и сепаратистские тенденции, когда настоятельно требовалось противопоставить им новую и действительно демократическую концепцию национальной политики, партийные идеологи и функционеры были, кажется, озабочены единственной мыслью ничего принципиально не менять ни в политике, ни в "ленинской теории наций". "Партийная наука" оказалась способной лишь на окопные бои с наступавшим национализмом и поэтому не имела шансов на успех. Сегодня представители бывшей цэковской номенклатуры, на которой лежит значительная доля ответственности за развал СССР, вновь начинают появляться в государственных структурах России, связанных с национальной политикой. С собой они приносят прежние традиции идеологической схоластики, бюрократического отношения к делу, гипертрофированной лояльности к начальству — теперь уже к тем людям, которые в недавней борьбе с КПСС поддерживали национализм и трудились над ликвидацией Советского государства.

Взгляды "демократов" принципиально не отличались от программных установок КПСС, за исключением того, что они выражались в гораздо более радикальных формах т.е. абсолютизировали принцип национального самоопределения "вплоть до отделения". Дело заключалось, конечно, не в том, кто у кого "списал". В теории и психологии национальных отношений господствовала парадигма (этно) нации как главного структурного элемента социального миропорядка. В признании этой парадигмы сходились все — и идеологи КПСС, и националисты, хотя, конечно, они не могли признать такого идеологического родства между собой, да вряд ли понимали это. Лидер эстонского движения за независимость М.Лауристин утверждала, что "нужно такое национально — государственное устройство, которое бы основывалось на полном признании, прав наций и суверенитете" (24). Аналогичную точку зрения высказывал философ А.Бутенко, писавший о необходимости обеспечения полновластия нации, верховенства ее прав, включая право на неограниченный суверенитет (25). Другой представитель советско — марксистской философии и видный теоретик в области национальных отношений Э.В.Тадевосян решительно осуждал любые сомнения по поводу принципа "социалистического федерализма" (26).

Главное в этом подходе — признание "священных прав" нации. Все остальное, касавшееся способов и степени перераспределения власти между Москвой и республиканскими столицами, отражало лишь различные политические установки на сохранение или ликвидацию союзного государства, но отнюдь не разные методологические парадигмы.

Позиция "демократов" в национальном вопросе впервые была сформулирована в "Тезисах к платформе Межрегиональной группы народных депутатов СССР", разработанных после I Съезда народных депутатов страны (27). А еще лучше эту позицию выразила Г.В.Старовойтова в своем выступлении в Ленинграде на конференции демократических движений страны 16 сентября 1989 г. Здесь Г.В.Старовойтова прямо заявила, что нация является основой создаваемого в СССР гражданского общества, и поэтому право наций на самоопределение должно рассматриваться как приоритетное, "даже выше идеи государственного суверенитета" (28).

Точка зрения Г.В.Старовойтовой примечательна тем, что она принадлежит профессиональному обществоведо, и, значит, недоразумения по причине незнания предмета, здесь быть, наверное, не может. Перед нами — вполне осознанный подход, демонстрировавшийся главным специалистом "демократов" по национальному вопросу, ставшим позднее советником президента России (29). Итак, основа гражданского общества — не граждане и не индивидуальные права, а нация, причем понимаемая, опять-таки не как согражданство, а как этнополитическая общность. На деле это означало признание приоритетности прав нации над правами человека, построение системы политике — правовых норм на основе биологического признака национального происхождения. Возвышение же прав нации над государственным суверенитетом выглядит как не очень искусный пропагандистский фокус: учитывая цели национализма, это на деле означает утверждение безграничного права на сепаратизм, желательность раздела любого многонационального государства (в данном случае — СССР) на государства (государства же!) мононациональные (30). Вспомним также, что в среде "демократов" и романтически настроенных ученых была популярна идея ликвидировать иерархичность национально-территориальной структуры СССР и преобразовать его в агломерацию 130 национальных государств (по числу народов, зафиксированных переписью населения 1989 г.). Правда, поначалу "демократы" еще говорили о реформировании федерального государства, но очень скоро отбросили эту маскировку и выдвинули лозунг конфедерации, а затем и некоего союза — негосударства.

Вариантов названной программы потом расплодилось великое множество, она дала мощный импульс идеологии национал-сепаратизма. Сценарий же ее воплощения в жизнь оказался иным, чем его рисовали "демократы". Ни одна из союзных республик не пожелала дать своим автономиям и этническим меньшинствам то, что сама отобрала у союзного центра, опираясь на право национального самоопределения. Сначала, правда, новые власти России устами Ельцина даровали автономиям такой суверенитет, который они способны были бы осилить. Вскоре оказалось, что Ельцин в очередной раз погорячился, но слово уже было сказано, и российскому руководству пришлось ломать голову над тем, что делать, например, с Татарией и Чечней, как сохранить "единую и неделимую" Россию перед лицом растущего регионализма. Впрочем, эта тенденция была вызвана не только и не в первую очередь популистскими заявлениями лидеров России. Она явилась порождением общей политики "демократов" в вопросе о реорганизации СССР, которая бумерангом ударила по ним самим после того, как они пришли к власти.

За прошедшие годы вполне можно было разобраться в истинном значении "демократической" концепции национального вопроса, так же как и в том, что она по существу представляла собой модификацию сталинской теории наций. Ее идеи, однако, продолжают доминировать и в политике, и в массовом сознании, и даже в науке. Между тем, действительно радикальное для нашей страны и действительно демократическое решение национального вопроса должно заключаться совсем в другом: в резком ограничении вмешательства любых государственных структур в сферу этнокультурного развития народов и последовательное утверждение де-

мократии, вместо перераспределения власти между центральной и региональной (этнической) бюрократией.

"Национал-демократическая", или просто националистическая, идеология в большей или меньшей степени присутствует в большинстве актов о государственном суверенитете бывших союзных республик СССР и автономий России.

Во многих декларациях о суверенитете просматривается своеобразный дуальный подход к проблеме соотношения гражданского общества и национального государства. Так, в декларации Украины прямо указано: "Украинская ССР как суверенное национальное государство развивается в существующих границах на основе осуществления украинской нацией своего неотъемлемого права на самоопределение". В то же время отмечается, что народ Украины составляют граждане всех национальностей, и этот многонациональный народ "является единственным источником государственной власти в Республике" (31). Аналогичный подход — с акцентом в ту или иную сторону — содержится в законодательных актах, например, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Армении, Абхазии, Башкирии, Калмыкии, Коми АССР, Северной Осетии, Татарии, Удмуртии, Чечено-Ингушетии, Чувашии, Кабардино—Балкарии и др. Во всех этих случаях имеется неразрешаемая с точки зрения принципа непротиворечивости правовых норм контроверза между признанием республик и автономий, объявивших о своем суверенитете, национальными государствами, формами самоопределения определенных этнонаций, и признанием равноправия граждан, а также своего населения в качестве носителя политического суверенитета. Только в некоторых случаях понятия нация (как этнонация) и народ совпадают (например, в декларации Туркмении) (32) или же, наоборот, провозглашается не национальное самоопределение, а суверенитет многонационального народа (Бурятия, Якутия и др.). Есть также декларации, в которых этот вопрос вообще четко не поставлен (Молдавия, Узбекистан).

Далеко не всегда такие политико — правовые казусы вызываются осознанным намерением закамуфлировать истинные цели национализма. Эти цели лучше всего исследовать даже не по декларациям, а по законодательным установлениям (о гражданстве, языках, собственности, иммиграции и т.п.), создающим реальную правовую базу новых государств, и по каждодневной политике их властей. Алогизмы зачастую обусловлены просто недостаточной компетентностью, модой на красивые лозунги. В целом доминирование националистической идеологии в советском обществе в перестроечно — постперестроечный период определялось соединением трех главных факторов: наличием соответствующих политических интересов, преобладанием в массовом сознании двухмерного видения мира, теоретической беспомощностью советского обществоведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...Прошедшее с момента образования СНГ время ознаменовалось многочисленными и безуспешными попытками превратить этот политический экспромт во что-то прочное и эффективно действующее во благо

всем и каждому. Ничего путного из этого не могло и выйти. Многосторонний политический союз не может существовать без минимально необходимого политического центра...

По-видимому, будущее СНГ сводится к двум вариантам. Первый вариант — восстановление в какой-то перспективе единого, полноценного государства. Второй вариант — распад СНГ на полностью самостоятельные государства и, возможно, образование региональных союзов. Как мне кажется, некоторые республики морально уже готовы или почти готовы к тому, чтобы начать реставрацию общей государственности, хотя сегодня в этом, конечно, никто не признается...

...Во всех случаях решающее слово будет принадлежать России. В прошлом веке, в период наибольшего военно — политического могущества России, говорили, что она может положить конец любой войне, выведя свои войска с театра военных действий: некому будет воевать, исчезнет политическая интрига. Ныне Россия сделает невозможным любой союз в рамках бывшего СССР, если выйдет из него или не присоединится к нему. Она сделает союз неминуемым, если захочет его создать.

...У соседей России тоже, наверное, не вполне исчезла привычка быть "младшими братьями" и таким образом перекладывать на нее многие свои заботы. Предки сегодняшних независимцев, переходившие под "высокую руку" русских царей, хорошо понимали, что Москва стоит и мессы и намаза. Вопрос только — насколько устойчива эта привычка? И другой вопрос — стоят ли месса и намаз Москвы, заинтересована ли Россия в возвращении к своему евроазиатскому облику, если она поставила цель модернизировать себя на западный манер?

...Возрожденному ли Советскому Союзу или каждому из новых государств по отдельности, придется решать и другую проблему... Надо будет... решить, что делать с национализмом. Один путь повторение и усугубление печального опыта СССР, другой путь — отказ от национализма в пользу человека и гражданина... Впрочем, этот выбор надо делать уже сегодня, пока еще не везде убивают за национальную принадлежность.

* * *

Эта работа была закончена весной 1993 г. Как автор и исследователь я могу быть доволен тем, что мой прогноз о будущем постсоветского политического пространства не оказался ошибочным. Как "постсовок" я сожалею, что моя страна остается в состоянии развала и раздоров. Есть, правда, надежда, что всеобщее помешательство на национальных суверенитетах и воинствующем антикоммунизме уступит место здравому смыслу и нормальному политическому прагматизму.

Сегодня мы наблюдаем вполне определенную тенденцию отрезвления многих республиканских политиков от "опьяняющего воздуха свободы". Оказалось, что помимо свободы требуются еще энергоносители, продовольствие, тракторы, безопасность границ, борьба с преступностью, не признающей этих границ, и многое другое. Мы наблюдаем, как Н.Назарбаев раз за разом выдвигает инициативы, которые в принципе и в перспективе (как бы они не оформлялись при помощи дипломатического жаргона) означают движение к восстановлению разрушенной государ-

ственной и историко-культурной общности народов России/СССР. Мы видим положительный отклик на эти и подобные им идеи во многих "независимых государствах", хотя зачастую политики стесняются открыто солидаризироваться с ними. В то же время приходится констатировать, что политика российских властей в отношении "ближнего зарубежья" остается крайне невразумительной, противоречивой, ситуативной, во многом зависимой от внутренней политической конъюнктуры. По всей видимости, те люди, которые пришли к власти через "умерщвление" СССР, поставившие свои политические интересы выше государственных, просто не способны выработать позитивную внешне — ("ближне —") политическую стратегию. Ее и нельзя выработать безотносительно к определению российских внутривнутриполитических ориентиров. Россия, кажется, обречена на роль "локомотива" на территории одной шестой части земного шара.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1985. С. 115.
2. Повышать роль и ответственность коммунистов. Выступление Г.В.Колбина на собрании партийной группы Верховного Совета Казахской ССР // Казахстанская правда, 29 марта 1987 г.
3. Эстонский ученый Я.К.Ребане, сопоставив данные о выпуске литературы в СССР (книги и брошюры) с численностью народов СССР, подсчитал, что в 1986 г. на 1 тыс. человек соответствующей национальности было издано на языке этой национальности наименований книг и брошюр: на эстонском - 1,39, на латышском — 0,76, на литовском — 0,72, на грузинском — 0,49, на русском — 0,47, на киргизском — 0,21, на армянском — 0,19, на молдавском — 0,18, на азербайджанском и туркменском — 0,10, на таджикском — 0,14, на казахском — 0,10, на узбекском — 0,08, на украинском и белорусском — 0,04. (См.: Ребане Я.К. Изменения национальной структуры, межнациональные отношения и языковая ситуация в Эстонской ССР // Сов. этнография (далее - СЭ). 1989. N 2. С. 13).
4. Концепцию ИМЕ см., например: "Советская Эстония". 19, 22, 23, 24 сентября 1989 г.
5. См., например: *Осминин В.* Совместимы ли понятия — единый народнохозяйственный комплекс страны и хозрасчет территорий? // "Правда Востока". 7 февраля 1989 г.; *Тишков В.А.* Народы и государств // Коммунист. 1989. N 1; *Чешико СВ.* Экономический суверенитет и национальный вопрос // Там же. 1989. N 2; *Бромлей Ю.* Экономическая реформа и судьбы федерации // "Союз", 15 апреля 1990; *Козлов В.И.* Этнос и хозрасчет // СЭ. 1991. N 3.
6. В том же духе высказывалась, например, и К.Прунскене, когда она еще не была премьер — министром Литвы. По ее мнению, предприятиям нельзя было предоставлять полную автономию. (Слышать друг друга. "Круглый стол" // Коммунист. 1989. N 6. С.65).
7. *Van den Berghe P.L* The ethnic phenomenon. N.Y., 1987. P.27.
8. Приводится по сокращенной публикации в газете "Интердвижение Эстонии" от N8, 1989 г., представлявшей собой сокращенный перевод этой статьи, помещенной в эстонскоязычной газете "Эдази" от 28 и 29 марта 1989 г.
9. См.: "Труд". 2 декабря 1989 г.
10. См., например: Прощай, "Саюдис"! // "Комсомольская правда". 17 ноября 1990 г.

11. Лидер Балто — славянского общества В.Стешенко (Рига) обосновал такую ориентацию следующим образом: русская культура в Латвии представлена тончайшим слоем, а русскоязычное население ограничивается потреблением массовой культуры, не создавая никаких культурных ценностей; поэтому латышам следует ориентироваться на высокоразвитую латышскую культуру. (Слышать друг друга. С. 72 — 73).

Думается, в целом проблема заключалась в том, что лояльность к идеям национал — сепаратизма стала той платой, которую русская интеллигенция заплатила за возможность выживания в сферах деятельности, монополизованных интеллигенцией "национальной".

12. Например: законы СССР "Об экономической самостоятельности Литовской ССР и Эстонской ССР". "Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик, "О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации", "О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР".

13. К слову сказать, за несколько дней до путча против Союзного Договора выступила и группа "супердемократов" во главе с Ю. Афанасьевым. Если А. Лукьянов критиковал проект Договора по причине того, что он предполагал создание слишком слабого политического образования, то "афанасьевцы" отвергли его по соображениям прямо противоположного свойства.

14. *Понов Г.* Август девяносто первого // "Известия". 24 августа 1992 г.

15. Там же.

16. См., например: *Deutsch K.W.* Nationalism and Social Communication. An Enquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge (Mass.), 1953; *Breuilly J.* Nationalism and State. Manchester, 1982; *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the origin and spread of Nationalism. 1983; *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983; *Hobsbawm E.J.* Nations and nationalism since 1780. Program, myth, reality. Cambridge, 1990.

17. См., например: *Hobsbawm E.J.* Op. cit. P. 117.

18. Этот случай, впрочем, тоже может рассматриваться с разных точек зрения. Хорошо, например, известно, что построение независимых государств Прибалтики произошло в результате ее оккупации Германией, а также целенаправленной политики Антанты по созданию вокруг Советской России "санитарного кордона". Очень выразительно писал об этом плане в своем дневнике британский дипломат лорд Берти в конце 1918 г.: "Нет больше России! Она распалась, исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т.е. Финляндии и Польши, Эстонии, Украины и т.д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное (остальная Россия — С.Ч.) может убираться к черту и вариться в собственном соку". (Цит. по: История дипломатии. Т. III. М.; Л., 1945. С.67). Не будь этих внешних факторов, прибалтийские республики скорее всего не были бы "аннексированы" Сталиным в 1940 г., а вошли бы в состав СССР уже в 1922 г.

19. См. также Постановление Верховного Совета Российской Федерации "О реабилитации казачества" от 16 июля 1992 г.

20. См., например: Слышать друг друга. С. 71.

21. Там же. С. 68.

22. Пропели лишь первые петухи // "Правда". 18 февраля 1992 г.

23. "Правда". 24 сентября 1989 г.

24. *Аауристин М.* "Станем европейцами?" // "Собеседник". 1990. N 5.

25. *Бутенко А.* Неотчуждаемый суверенитет // "Правда". 1 октября 1990 г. Автор, правда, одновременно пытался объяснить, как можно встроить неограниченный суверенитет наций в политическую структуру СССР, т.е. — "ограничить не ограничивая". Но это уже из области схоластики, обычной для советской "диалектики".

26. См., например: *Тадевосян Э.* Ленин, федерализм и наше время // "Коммунист". 1990. № 6.
27. Раздел о политике в национальном вопросе готовили два специалиста — этнолога — Г.В.Старовойтова и Н.В.Юхнева — и академик А.Д.Сахаров, который не являлся специалистом в этой области, но своим авторитетом придал особый вес указанному документу.
28. Цитируется по записи выступления Г.В.Старовойтовой. См. также: География — главный урок истории // "Правда". 21 февраля 1992 г.
29. Позднее, уже после официальной ликвидации СССР, взгляды Г.В.Старовойтовой претерпели резкую метаморфозу. Она вдруг стала высказывать сомнения относительно абсолютизации принципа этнического самоопределения и даже сформулировала такие критерии правомерности самоопределения, которые фактически исключают его практическое осуществление (см., например: "Известия". 10 августа 1992 г.). Причины этой метаморфозы позиции одного из главных теоретиков национализма достаточно очевидны: национал-сепаратизм требовался "демократам" тогда, когда они боролись за власть; он стал не нужен и опасен тогда, когда "демократы" взялись управлять Россией. Заодно стала не нужной и сама Г.В.Старовойтова, которая вскоре была отставлена от должности советника президента.
30. Идея исторической обусловленности и прогрессивности для современной эпохи создания мононациональных государств прямо высказывалась даже в научной литературе. См., например: *Перепелкин А.С., Шкаратан О.И.* Экономический суверенитет республик и пути развития народов // СЭ. 1989. № 4. С. 34, 39.
31. Декларация о суверенитете союзных и автономных республик. М., 1990. С. 7.
32. Декларация о суверенитете союзных и автономных республик. С. 8.